

Шпакова Р. П. *

«ЗАВТРА БЫЛО ВЧЕРА»

Современная Россия включается в мировой информационный процесс, становясь частью объединяющейся Европы. Признаком такого включения является институционализация социологии, ее превращение в практически-прикладную область и теоретическую дисциплину. В плане функционирования и организации положение социологической науки в России вполне сопоставимо с ее положением в ряде лидирующих стран. Как и там, социология в России является элементом того уровня общественного производства, на котором выполняются информационные, управленческие, просветительно-познавательные и другие функции. Такова картина в общем виде. Ответ на вопрос о том, может ли их выполнять, зависит от качества самой социологии. Возникает и резонный вопрос о том, нужна ли собственная социология, а если нужна, то как она возможна.

К социологам обращены не только конкретные вопросы по поводу частных ситуаций, но и принципиальные – об общих тенденциях развития страны. Но социология – по разным причинам, в том числе далеким от нее, – не располагает возможностью даже приблизительно прогнозировать дальнейшее движение вообще. Парадные конференции и форумы, помпезно обсуждавшие уже якобы наметившееся становление гражданского общества, остаются далеко позади реальной картины. «Истину царям с улыбкой говорить» социологи не стремятся, тем более, что не знают ее, да и цари не склонны им внимать.

Отношение в России к социальному знанию всегда было настороженным, что подтверждает, например, судьба виднейшего русского социолога М. М. Ковалевского. Но, в общем, это отношение не всегда соответствовало подлинной опасности, исходящей от самого знания. В российском обществоведении социологическая наука никогда не была имманентной, органичной составляющей. Она была и остается продуктом западного общества, возникшим как ответ на его, западного общества, проблемы, его способом осмысления реальности, что и отразилось на теоретическом и прикладном арсеналах дисциплины. Ключевые категории – «социальный факт», «социальное действие», «взаимодействие» и прочий методологический инструментарий – разработаны в европейской социологической классике второй половины XIX – начала XX веков, в контексте господствовавшей тогда философской и мировоззренческой ситуации. Более того, они и сегодня являются ведущими, потому что в общих чертах этот контекст остается неизменным.

Именно об этом пишет современный историк социологии О. Рамштедт: «Но если оставить в стороне теоретические конструкции, сегодняшних социологов связывают с Зиммелем, Дюркгеймом и Вебером прежде всего основные предпосылки. Именно эти предпосылки и помогают понять, почему их теоретические конструкции должны казаться неподвластными времени» [4, S. 54]. Так, для современной социологии остается бесспорным тезис О. Конта о превосходстве Канта над Гегелем прежде всего в гносеологическом плане. (Можно напомнить здесь фрагмент письма Конта д'Эйхталю от 10 декабря 1824 г.: «Гегель несравненно ниже Канта».) Кантовский агностицизм остается незыблемым основанием. Понятие социальной аномии, как показывают современные исследования этой проблемы, в том числе и отечественные, мало продвинулось в своем развитии со времени Э. Дюркгейма и его позиции. Инструментом социального познания и по

---

* Шпакова Римма Павловна - доктор философских наук, профессор факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета
© Центр Фундаментальной социологии, 2003
© Шпакова Р.П., 2003

сей день признается «идеальный тип», теоретически разработанный Максом Вебером в соответствующей концепции, хотя и со многими ныне внесенными и нередко противоречащими друг другу коррективами. Веберу принадлежит ставшее классическим определение социологии как «науки, которая хочет понять и причинно объяснить социальное действие в его течении и проявлениях» [1, S.1]. Ему же принадлежит принятое также и в отечественной социологии определение предмета социологии – социального действия. Отечественная наука заявляет теперь о своей приверженности и веберовскому инструментарию – концепции идеальных типов.

Однако ни эти основные понятия, ни сама научная деятельность Вебера не ясны без представлений о той культурно-исторической толще, в недрах которой он созрел, без знания специфики немецкого обществоведения, историзма и его школ, идеологии общественных движений и политических доктрин, да и самой истории Германии. Категории науки разрабатывались в преемственности философских воззрений, в конкретном социальном и культурном контексте, в дискуссиях и противостоянии иным теоретическим направлениям, и потому они имеют вполне определенный ракурс и акценты. Сегодня дискуссионные параметры мало интересны. Другое дело, что сами категории ныне явно недостаточны. Они нуждаются в изменениях и дополнениях в связи с ростом научного знания, разложением национальных научных школ и т.д. Усилилась и критика в адрес основных категорий из-за сложности построения на их основе целостной концепции общества и общей социологической теории [см ., напр.:2].

Разумеется, в науке не может быть «немецких» или иных категорий социального познания национальной природы – они имеют значение лишь для изучения генезиса и истории науки. Вместе с тем в социальной сфере знания национальный колорит определяет выбор проблем, специфику их трактовки, стиль и динамику исследований. Механическое перенесение в отечественную социологию еще недавно третируемых советской версией марксизма основных категорий западной социологии означает перенесение вместе с ними многих действительно серьезных научных проблем, а с ними и противоречий, псевдопроблем, тех аспектов, которые некогда были важны, но теперь утратили свою актуальность и заменены в современной социологии Запада другими.

Так, во времена Вебера дискуссии, которые он вел с марксизмом, с теоретиками исторических школ национал-экономии, с Менгером, Штаммлером и др., были существенно осложнены методологическими и философскими проблемами обществоведения, выросшими в конкретных обстоятельствах. Например, нельзя вычеркнуть влияние на сферу культуры «кризиса в физике» начала прошлого века, который привел, в частности, к пересмотру философского содержания понятий, их границ и возможностей в процессе познания. По этой причине многие действительно важные аспекты формирования структуры социального знания остались вне поля зрения Вебера или хотя и были им выделены, но специально не разработаны – цели были другими. То же относится и к категории «социальное действие», которую Вебер рассматривал как ядро, «атом», по его выражению, историко-социального знания. Сам Вебер для утверждения своей мысли о номотетическом характере социальных наук, своих логико-методологических подходов смело провел реконструкцию категории «понимание» Дильтея и неокантианской контрверзы историко-социального и естественнонаучного знания. В результате «понимание», непосредственно связанное с категорией «социальное действие», как и последнее, оказывается обобщенной и усредненной величиной, что позволило заложить понятийный фундамент науки. Понимание, определяет Вебер, это «средне и приблизительно рассматриваемый смысл» [1, S. 4].

Западные социологи ведут модернизацию основных категорий. Так, наряду с веберовской версией «социального действия» на Западе возникли другие: феноменологическая, неопозитивистская, функционалистская и т. п., в том числе и марксистская. Какую версию выбирает отечественная социология, быстро объявившая «социальное действие» своим предметом, не ясно, тем более что действенного применения в ней этой категории не замечено. Нет убедительных доказательств того, что именно Вебер –

необходимый и достаточный лидер социологии в России. Во времена Вебера весьма успешной разработкой категориального и познавательного инструментария социологии занимался далеко не он один. Можно указать хотя бы на концепцию «нормальных понятий» Ф. Тённиса, ныне привлекающую пристальное внимание западных социологов, но остающуюся неизвестной и потому невостребованной у нас.

Есть еще одна сторона вопроса о заимствовании категорий. Вебер и его современные последователи на Западе выстраивают стройную и по-своему доказательную систему социального познания, в которой онтология, методология и гносеология органично связаны принципами Канта и неокантианства. В этом смысле теория социального познания Макса Вебера по своей целостности сопоставима с логически стройной и целостной теорией Карла Маркса. Отбросившая в одночасье марксизм и собственные плодотворные разработки в его русле, взявшая на вооружение ключевые категории западной социологии со многими присущими им сложными проблемами, отечественная социология должна внятно определить свои логико-методологические основания, их философскую природу, отношение к реальности и, соответственно, способность играть роль инструмента (инструментов) познания. Это и будет ответом на вопрос, «как возможна» социология, адекватное социологическое познание. Уместно напомнить позицию Эдуарда Бернштейна: отойдя от марксизма, он уверенно пошел на пересмотр своих основных теоретико-методологических позиций, марксистских по своей природе. Убедительно и мотивированно отказавшись от них, он смог предложить целостную концепцию структуры социальной науки и ее оснований.

Применительно к отечественной науке теоретическая социология сегодня – инородное тело. Имманентно возникнуть и развиваться в России теоретическая социология никогда не могла и не может – нет традиций, соответственно, нет преемственности. Теоретики западной науки сами разберутся в своих трудностях, что они и делают. Что же касается положения в отечественной науке, то сегодня ей не под силу предлагать свои теоретические схемы. Те редкие, которые существуют – слабы и вторичны, поэтому не конкурентноспособны, и нет повода для обид ряда наших соотечественников на то, что их на Западе не печатают. Ситуация сродни той, что складывается, например, в джазе – в принципе не может быть «русского джаза», точно так же, как не существует «американских» или «немецких» балалаечников. Есть исполнители, интерпретаторы, не более. На них смотрят с любопытством, но без участия.

А.Ф. Филиппов в ряде публикаций показал, что теоретической социологии в России нет. Но ее не может быть здесь в принципе, потому что социологическая теория – это продукт другой культуры, обусловленный историко-социально и изначально невозможный для российского бытия. Вместе с тем в своем серьезном и проблемном послесловии к переводу «Общности и общества» Ф. Тённиса он указывает на рутинность и скуку изложения истории западной социологии: был такой-то, сказал то-то, пришел другой и т.д.

Все правильно. Но и сегодня история западной социологии – экзотика, проблемы которой неожиданны для привычного в России стиля мышления и бытия даже в современных условиях. Все это рутинно и скучно при условии, что оно знакомо, привычно, понятно изнутри и исторически, и теоретически. Однако такого нет даже для студентов в европейских университетах, хотя там восприятие проблем идет существенно легче – материал понятнее, «роднее». И посему для ситуации в России нет оснований для проблемного пересмотра и проблемного изложения истории западной социологии – дай Бог усвоить основания науки, ее историю в лицах, фактах и трудах. Проблемное изложение можно давать для узкой профессиональной специализации, да и то для студентов, но не для вузовских преподавателей социологии, многие из которых – бывшие специалисты по мифическому уже научному коммунизму и с трудом сами воспринимают то, что преподают.

Несмотря на существующую ныне общность понятий и используемых методик западной и отечественной социологии, будучи примененными к российским реалиям, по своему содержанию они начинают требовать коррекции в соответствии с российскими

обстоятельствами. Так произошло с назревшими социальными конфликтами в России. В стране возникли лаборатории, центры, кафедры конфликтологии. Но опоздание налицо: они возникли тогда, когда само общество, сами люди путем проб и ошибок уже находили пути разрешения конфликтов, не ожидая и не дожидаясь рекомендаций со стороны социологов. Вообще же тема конфликтов в известной степени заимствована из конфронтационной по своей сути социологии М. Вебера. Современные западные методики их разрешения плохо применимы к российским реалиям. Не только конфликты здесь качественно другие, но и иными являются и общественные настроения, и интенции.

Еще больше осложняют дело расплодившиеся «самопальные» переводы трудов классиков и современных западных теоретиков. На корявый язык можно закрыть глаза, но нельзя не споткнуться например, о превращенную усилиями непрофессиональных переводчиков категорию «действие» в «поступок». В переводе других категорий разночтений еще больше. Идентичность терминов, адекватное прочтение научной классики и современности – одна из важнейших назревших сегодня задач хотя бы для понимания обсуждаемых проблем, а уж об их развитии пока говорить не приходится.

Пока еще не определен и феномен социологической классики в России, хотя есть сочинения, специально ей посвященные. Процесс «назначения» в классики идет легко и произвольно, столь же легко ставится и выносится на беглое обсуждение серьезный вопрос о пользе и вреде социологической классики. Категории одних западных направлений мешаются с категориями других, весьма далеких от первых, хотя никто сознательно не следует максимам постмодернизма. Это всего лишь облегченно-прагматичное использование текстов, имен авторов, их авторитета и т. п. Есть и замороженное, сродни религиозному, отношение к классике. Как будто об этих авторах писал П. Бурдьё: «Они видят в наследии сокровище, которое они созерцают, которому они поклоняются, которое они чествуют, тем самым повышая собственную значимость, ... как капитал, выставляемый напоказ» [3, С. 51]. Складывается ситуация, грозящая не столько утратой точек опоры и ориентиров, сколько хаосом научных позиций. И вместе с тем в российской науке перевес критики и отрицания старых подходов очевиден. Особенно эффектно смотрится концепция «конца парадигм». Разумеется, в науке вполне естественно прощание с классикой, но это происходит при условии зрелости науки, которая переросла свое теоретическое основание, ставшее для нее теперь всего лишь «подкидной доской», и которая уже готова к скачку на новый теоретический уровень, к переходу к новым идеям. В отечественной науке классика дрейфует между догматизмом и релятивизмом. Критика в ней сильна, сильно заимствование, однако до зрелости далеко, как и до собственных принципиально новых идей. Их нет, и это главное.

Но разве уже исчерпан весь репертуар исследовательских проблем и неразвернутых тем? Разве в недрах самой научной классики и ее новейших модификаций нет для нас ничего нового, а сама классика уже неспособна к освоению современного мира и российской действительности? Особенность классики – быть непрерывным импульсом для последующего развития не только своей дисциплины, но и за ее границами, определять основные теоретико-методологические принципы и темы в широком междисциплинарном исследовательском поле. И в этом смысле классика всегда не завершена, открыта не только для продолжения, развития и обновления, но и для ревизии – вполне естественной критической процедуры, аналогичной позиции упомянутого ранее Бернштейна по отношению к марксизму. Пример М. Вебера, классика истории, социологии, политических наук, философии также здесь показателен. Это же относится и к Конту, Спенсеру, Марксу, Дюркгейму, Зиммелю, Тённису, Зомбарту. На их идеях и вопреки им выросли теории Парка, Фуко, Бурдьё, Парсонса, Лумана и др. Эти же идеи в свое время стали питательной почвой воззрений Ковалевского, Сорокина, Тимашева и других русских теоретиков не только в области социологии. Эти же идеи сегодня – стимул дальнейшего развития научного знания.

Вопрос об отношении к классике обсуждается и на Западе. Влиятельный немецкий историк социологии О. Рамштедт в специальной статье «Обращение с классиками» пишет о

том, что именно Дюркгейм, Вебер, Зиммель смогли разработать «непревзойденные и по сей день образцовые теоретические конструкции», и «всякий новый теоретический проект в социологии теперь вынужден равняться на них» [4, S.54]. Вместе с классикой и вопреки ей – вот кредо современной западной социологии в ее отношении к наследию, выраженное П.Бурдьё [3, С.80]. Объективности ради надо сказать, что это достаточно простая мысль, содержащаяся в старой французской мудрости: продолжить – значит, обновить. Но она предпочтительнее других, более простых способов обращения с классикой – «превратить в икону» или отбросить. Так обошлись в сегодняшней России с Карлом Марксом. Качественного и полного анализа его воззрений нет. Создается впечатление, что оправдываются суждения русского мыслителя, историка науки К. Д. Кавелина, писавшего о своих ученых-соотечественниках, что они берут каждое учение особняком и по впечатлениям, ищут в нем догматическую истину, а не ответ на назревшие вопросы, они и перешагивают его столь же легко, как приняли.

Сами западные социологи критичны и к старым идеям, и к своим новациям. Более того, социологи Запада и сейчас не стесняются даже на национальных и международных конгрессах ставить и обсуждать исходные вопросы: что такое социология, как она возможна, как возможно социальное знание и познание и т. п. По сути, это комплекс вопросов, которые объединил в своем «наукоучении» Макс Вебер. Аналогичные публикации в России отсутствуют. Редкие суждения о предмете социологии отклика не вызывают и мало интересны. Сравнительный контент-анализ публикаций в научных журналах России и стран Запада безоговорочно свидетельствует о перевесе в последних теоретических сообщений. Российские публикации ограничены в основном анализом частных социальных сфер, а редкие теоретические сообщения построены на западных идеях или являются переводами. Западная социология, кроме того, берется в отрывках и частях, постигаемых и используемых в меру собственного понимания и возможностей приложения.

Одно время казалось, что выбор сделан в пользу русской дореволюционной социологии, но очень скоро стало ясно, что этот выбор ошибочен, поскольку сами ее идеи были производными от концепций западной социологии, а по сути, вторичными. Однако разочарование в социологической науке, бывшей в России до 1917 г., наступило не по этой причине, а в силу того, что намного изменилось время, ушли эпохи со своей тематикой и стилем социологизирования. Контекст современной реальности и науки иной, и возвращение к «истокам» сомнительно. Главное же в том, что историческое прошлое России к ее современному состоянию имеет мало отношения. Столь же малое отношение имеет к современной дореволюционная социология, которая и сама была зависимой и производной.

Нет смысла заниматься проигрышным делом – изобретением собственной теоретической социологии. Это заведомо «сданная игра» на чужом поле. Нет смысла заниматься и другой крайностью – превращать социологию в науку о мнениях и намерениях людей – вещах неверных и сомнительных. В свое время А. И. Кравченко в статье «Социология мнений и мнение о социологии» убедительно доказал бесплодность усилий на пути такого превращения [5].

Есть другие жанры, в которых отечественная социальная мысль традиционно сильна и практически действенна. Речь идет, например, не об академически добротном и строго выполненном исследовании, опубликованном в столь же академических журналах – «братских могилах», а о социологической пропаганде и публицистике, своими средствами влияющих на просвещение масс, их установки, массовое поведение. А это уже и есть объекты социологического анализа, работа с которыми приносит эффективный практический результат. Образцом такой публицистики является в России целая серия так называемых «физиологических очерков», регулярно публиковавшихся в массовой прессе XIX – начала XX века. Например, альманах «Физиология Петербурга», вышедший более 150 лет назад, содержал исследования о внешне непритязательной жизни простых людей, об их понимании социальных вопросов городского бытия и т.п. Но он и своими средствами участвовал в формировании жизненных позиций этих людей – основной массы населения России.

Авторами исследований выступали талантливые и влиятельные литераторы, публицисты, общественные деятели – В. Даль, Д. Григорович, И. Панаев, В. Белинский, Н. Некрасов и др. Этот сборник очерков получил огромный резонанс во всех слоях населения России, не только Петербурга. Публицисты, занимавшиеся социальными вопросами, были лучшими диагностами и учителями своего времени. Их влияние было связано не только с колоссальной ролью слова в России – здесь роль социологии часто выполняла литература, но и с той проблематикой, которую они изучали. Писатели и публицисты учили высоким ценностям жизни. Именно поэтому за свою просветительскую и воспитательную публицистику в 90-х годах XIX века В. Короленко был признан «совестью России». Но эта публицистика была одновременно исследовательской.

Она надолго прекратила свое существование, на короткий срок возродившись в 60-70-х годах прошлого века на волне хрущевской «оттепели». Еще свежи в памяти ставшие тогда сенсацией публикации И. С. Кона на страницах «Нового мира» о националистических предрассудках и их природе. Неизменно привлекали внимание аналитические и всегда актуальные статьи Л. Кузнецовой. Темы, которые она выносила на страницы журналов, например, популярной тогда «Молодой гвардии», касались многих. Так она обсуждала внутреннюю структуру и обыденную жизнь рабочих общежитий крупных городов – ведь в них выросло не одно поколение советских людей, да и сегодня число общежитий велико.

Со второй половины 80-х годов жанр научной публицистики, казалось, возродившейся, быстро заглох. Ныне, когда общество наводнили новые социальные типы, новые институты, ценности и установки новых лидирующих групп, исследовательская публицистика стала бы не просто продолжением великой традиции, но послужила бы целям воспитания и просвещения общества, его самопознанию и критической рефлексии. Вот сможем ли ...

Литература

1. *Weber M.* Wirtschaft und Gesellschaft. Tübingen, 1972.
2. *Тюрель Х.* Социология Макса Вебера – социология без «общества» // Макс Вебер, прочитанный сегодня. Санкт-Петербург, 1997.
3. *Бурдые П.* Начала. Москва, 1994.
4. *Rammstedt O.* Umgang mit Klassikern // *Soziologische Revue.* 1995. № 3.
5. *Кравченко А. И.* Социология мнений и мнение о социологии // Социологические исследования. 1992. № 3.